

ОТДЕЛ IV. АРХИВЫ

ВОСПОМИНАНИЯ В.И.
РУДИЧ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ОТДЕЛЬНЫХ
ДОКУМЕНТОВ
И МЕМУАРОВ
БЕЛОЭМИГРАНТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ КАК
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ В 1917–1920-Е ГГ.

Священник Павел Александрович Ефремов

магистр богословия
аспирант кафедры церковной истории
Московской духовной академии
141312, г. Сергиев Посад, Троица-Сергиева Лавра, Академия.
tample87@gmail.com

Для цитирования: *Ефремов П. А., священник.* Воспоминания В.И. Рудич из коллекции отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной Церкви в 1917–1920-е гг. // Церковный историк. 2022. № 1 (7). С. 217-232. DOI: 10.31802/СН.2022.7.1.015

Аннотация

УДК 2-286

Основная цель исследования — публикация, введение в научный оборот и источниковедческая критика отрывков из воспоминаний Веры Ивановны Рудич, которые относятся к истории Русской православной церкви в послереволюционное время. Воспоминания хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде 5881, который получил название «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов». В ГА РФ воспоминания попали в составе фондов Русского заграничного исторического архива, который был перемещён в СССР в 1945 году. Описанные в воспоминаниях события происходят в Волыни в 1918-1919 гг. В статье указаны основные вехи биографии В.И. Рудич, раскрыты обстоятельства, сопутствовавшие написанию воспоминаний. Приведённые отрывки из воспоминаний сопровождаются источниковедческой критикой, уточнены введённые в текст воспоминаний В.И. Рудич понятия, раскрыты обстоятельства кратко обозначенных в тексте событий. Для исследования были использованы системный, аналитический, компаративистский, метод источниковедческой критики, а также биографический метод. Проведённый анализ неопубликованных воспоминаний позволяет делать предположения о том, что написанию воспоминаний предшествовало создание дневника, который пока не был обнаружен в архивохранилищах. События, описанные в приведённых фрагментах воспоминаний В.И. Рудич, отражают отношение к Русской православной церкви, её традициям, священству среди сельского населения Украины на начальном этапе гражданской войны и могут быть интересны историкам Церкви, занимающимся данной научной проблемой.

Ключевые слова: воспоминания, история Русской православной церкви, революция, эмиграция, архив, источниковедческая критика, большевики, антирелигиозная борьба.

V.I. Rudich's Memoirs from the Collection of Selected Documents and Memoirs of White Emigrants at the State Archive of the Russian Federation as a Source for the History of the Russian Orthodox Church in the 1917-1920s

Priest Pavel A. Efremov

Postgraduate student of the Department of Church History
of the Moscow Theological Academy
141312, Sergiev Posad, Trinity-Sergius Lavra, Academy, Russia
tample87@gmail.com

For citation: Pavel A. Efremov, Priest. "V.I. Rudich's Memoirs from the Collection of Selected Documents and Memoirs of White Emigrants at the State Archive of the Russian Federation as a Source for the History of the Russian Orthodox Church in the 1917-1920s". Church Historian, no 1 (7), 2022, pp. 217-232 (In Russian).. DOI: 10.31802/CH.2022.7.1.015

Abstract. The main purpose of the study is to publish, introduce into science, and critique as a source study excerpts from Vera Ivanovna Rudich's memoirs, which relate to the history of the

Russian Orthodox Church in the post-revolutionary period. The memoirs are housed in the State Archive of the Russian Federation in collection 5881, called «Collection of Selected Documents and Memoirs of Emigrants». In the State Archive of Russian Federation the memoirs ended up in the fonds of the Russian Historical Archive Abroad, which was moved to the USSR in 1945. The events described in the memoirs take place in Volyn in 1918–1919. The article indicates the main milestones of V. I. Rudich's biography, reveals the circumstances that accompanied the writing of memoirs. The given extracts of memoirs are accompanied by source criticism, the concepts introduced in the text of V. I. Rudich's memoirs are specified and the circumstances of events briefly marked in the text are disclosed. The research employed the systematic, analytical, comparativist, source-critical, and biographical methods. The analysis of unpublished memoirs suggests that the writing of the memoirs was preceded by the creation of a diary, which has not yet been found in archival depositories. The events described in these fragments of V. I. Rudich's memoirs reflect the attitude toward the Russian Orthodox Church, its traditions, and the priesthood among the rural population of Ukraine at the initial stage of the Civil War and may be of interest to church historians engaged in this scientific problem.

Keywords: memoirs, history of Russian Orthodox Church, revolution, emigration, archive, source criticism, Bolsheviks, anti-religious struggle.

Актуальной задачей изучения истории Русской православной церкви в послереволюционные годы является обнаружение и введение в научный оборот документов, хранящихся в архивохранилищах. В Государственном архиве Российской Федерации отложились мемуары и дневники из фондов Русского заграничного исторического архива, который формировался в Праге с 1923 года и был перевезён в СССР в 1945 году. Знакомство с этими документами позволило выявить несколько интересных текстов, до сих пор не обнаруженных историками церкви. Наибольший объём источников личного происхождения отложился в фонде 5881, носящем название «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов».

В том числе были найдены воспоминания В.И. Рудич, отличающиеся большим объёмом, подробностью изложения и хорошим литературным языком. Цель данной статьи — источниковедческая критика воспоминаний В.И. Рудич и анализ той части содержания воспоминаний, которая имеет отношение к истории Церкви. Отрывки из воспоминаний приведены в авторской орфографии и пунктуации.

Воспоминания В.И. Рудич хранятся под шифром ГА РФ ф. 5881 оп. 2 д. 600 и имеют заглавие «Уроки прошлого». Авторское название «"На реках Вавилонских"». Очерк Жизни в 1918–1921 гг.». Рудич Вера Ивановна (1872–1943) — поэт, работала наборщицей и корректором в издательстве А.С. Суворина «Новое время». Была участницей теософских собраний. После революции прекратила занятия литературой, в 1918 году уехала из Петербурга в Витебск за продовольствием, поселилась в родовой усадьбе в Волыни. После отделения Польши в 1918 г. оказалась в эмиграции. В период эмиграции в 1922 году написала воспоминания, которые передала в РЗИА. В 1924 году вернулась в Ленинград, работала наборщицей и корректором, писала прозаические произведения, не публиковалась. В 1933 году была арестована по обвинению в антисоветской агитации, приговорена к трём годам ссылки. Затем вновь вернулась в Ленинград, где погибла во время блокады в 1943 г.

Воспоминания В.И. Рудич представляют собой машинопись с рукописными авторскими пометками чернилами и графитным карандашом объёмом в 425 листов. Листы из плотной бумаги сшиты и переплетены в твёрдый переплёт. Судя по объёму и точности дат и имён, Вера Ивановна вела дневниковые записи, на основе которых были написаны воспоминания, однако её дневники пока не обнаружены. В воспоминаниях описана бытовая повседневная жизнь автора и окружающих её людей. В.И. Рудич внимательно относилась к переменам,

происходившим в жизни Русской православной церкви, и в мемуарах описала то, что происходило в Волыни.

Деревня, в которой находилась усадьба В.И. Рудич, переходила к красным, белым, петлюровцам, латышам. Происходившие политические изменения привели к тому, что переменам подвергалась и экономическая основа отношений между духовенством и крестьянством.

В первом отрывке воспоминаний В.И. Рудич, имеющем отношение к Церкви, описываются события, сопутствовавшие Страстной неделе и Пасхе 1918 г.: «23 Апреля. В самый Страстной Четверг, когда тетина семья собиралась к двенадцати евангелиям, в усадьбу к ним приехало двое фуражиров-большевиков. Первая подлинная, а не по слухам встреча с большевиками на Волыни.

Вошли вооруженные винтовками, револьверами, шашками и грубо сказали:

– Давайте обедать!

<...> К закуске с села подошли атаман, староста и плут мужик, Павло, который всегда умел пристроиться ко всякой власти и своей бесшабашностью держал в страхе всю деревню:

– Запалю село, а сам уйду — мне терять здесь нечего.

Утром в церкви перед Причастием Павло устроил “демонстрацию”: пожелал исповедоваться не в пример другим перед самым выносом св. даров для причастия. И робкий по натуре о. П. вышел и исповедал его, боясь скандала в церкви.

Вечером, когда в столовой в усадьбе шла выпивка и закуска, и Павло обнимался с большевиками, старая экономка тети, неся яичницу с салом, к которой и Павло потянулся, спросила:

– А как же Павло, вы оскоромитесь после причастия?

Большевики грянули хохотом:

– Как? Он причащался?

– С нами вместе, — ответила экономка и опять к Павло:

– А свинья у вас в животе не закричит?

Большевики хохотали над смутившимся Павлом¹.

Любопытно, что описанный Павло устроил из причастия «демонстрацию»: его желание проявиться свою власть и волю привело к нестандартному поведению во время основного таинства Русской православной церкви.

1 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 57–58.

В 1918 году неразбериха была настолько сильна, что любые грабители могли назвать себя большевиками и под этим именем совершать преступления: «О[тец] А. зашёл сегодня и рассказывал, что в наше село бегут из соседних крестьяне, евреи, священники, потому что по сёлам грабят теперь какие то шайки, зовущие себя большевиками. <...> оказалось, что никаких большевиков в селе нет, а принесла какая то нищая из соседней К. записку “перековывавшему” у о[тца] А. тамошнему священнику о[тцу] В. от его жены, которая в К. пряталась где то у крестьян, после наезда грабительской шайки из недалёкого леса.

В записке стояло, что в одной из соседних деревень убили, говорят, священника, матушку заставили под граммофон танцевать с евреем и выломали ей руку.

Вскоре после того, как эта история дошла до усадьбы, на горе, по грязной дороге от церкви показались две черные фигуры. Это шли о[тец] В. и наш о[тец] А.

Поравнявшись с забором нашего сада, куда подошла я — они растеряно и смущенно заявили:

- Бежим от всяких ужасов.
- Куда?
- Куданибудь. Вёрст за двадцать пять.

Они спешно пошли дальше по вязкой дорожной грязи, подбирая полы ряс, а за ними скоро проехала телега с матушкой, дочерью их и узлами. У школы <...> собирался сход, на который был приглашён атаман из соседней волости на совет — как встречать грабителей, по слухам обещавших в этот день быть в нашем селе.

Скоро Яков принёс на кухню и решение схода:

– Если придут грабовать до батюшки или до двора — то пусть. А если пойдут к крестьянам — убивать их на месте.

Атаман, говорят, не одобрил решение, сказав:

– Сначала ограбят батюшку и панов, а потом и вы их не сбудетесь. Лучше совсем не пускайте в село»².

Вопрос о том, кого считать большевиками, встречается в нескольких воспоминаниях. Не всегда появлявшиеся с оружием люди могли предъявить какие-либо документы, которые могли быть свидетельством их принадлежности к государственным структурам. Но зачастую такие люди забирали самое ценное, что оказывалось в доме, могли

2 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 59–63.

убить представителей дворянства или духовенства. Вероятно, результатом большевистской пропаганды стало решение схода деревни: позволить ограбить панов и священство как представителей класса угнетателей. Ниже будет процитирован отрывок из воспоминаний В.И. Рудич, из которого будет ясно, почему крестьянство становилось более критичным к духовенству.

«Побег» отца А. был не слишком успешен, вскоре он прислал письмо Вере Ивановне с просьбой: «Важное дело оказалось в том, что отец]А. забыл деньги и теперь письмом просил П. зайти в дом, вынуть их из шкафа и отдать посланному. Вся семья бесплодно совещалась об этом деле весь вечер и утром послала за Наташей. Слухи передавали, как в недалеком селе грабители били псаломщика, говоря:

– Это ты спрятал попа, давай его нам.

Этого было довольно, чтобы дом о[тца] А. стал опасным местом, в которое [боялись] войти, чтобы потом не били грабители»³.

Воспоминания В.И. Рудич наполнены разнообразными наблюдениями, имеющими отношение к жизни Русской Православной Церкви: «Возвращавшиеся вчера с ярмарки в Т. говорили, что утром туда явились сечевики, разоружили большевиков и конфисковали обоз, где оказались целые мешки серебряных ложек, бабьих коралов, церковной утвари, женской и детской одежды.

У о. А. ночевала учительница из Киева. Жаловалась, что ученики теперь “не обязаны ходить в школу”, но Учитель отвечает за успехи:

– Вы должны так учить, чтобы они сами стремились на уроки, как пчёлы на Цветы.

Рассказывала, что в страстную Неделю в гимнастической церкви запрещено было служить.

– Раньше я в церковь редко ходила, — прибавила она, — а когда ее так гнать стали — каждый праздник иду»⁴.

Сечевики — это казаки Сечевой рады. Казаки были настроены против советской власти, проводившей позднее так называемое «раскалывание», и противодействовали ей разными способами, в том числе обезоруживая и возвращая награбленное хозяевам.

Воспоминание, относящееся к учительнице, соотносится с тем фактом, что советской властью было упразднено духовное образование,

3 Там же. Л. 64. Сохранен авторский стиль.

4 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 84.

и находящиеся при учебных заведениях храмы должны были быть закрыты. Однако, как это было зафиксировано и в других воспоминаниях из фонда 5881, в мемуарах М.И. Ретивова⁵, гонимое положение Церкви вызывало сочувствие и делало лояльными по отношению к ней тех людей, которые до революции относились к вере с равнодушием.

В воспоминаниях В.И. Рудич описывается Троица в 1918-1921 годах. В отличие от Рождества и Пасхи празднование Троицы редко попадало на страницы воспоминаний, однако поэтесса дважды отмечает в мемуарах этот праздник: «8 Июня. Троица. Вчера вечером пахло ненадолго прежней мирной деревенской жизнью: из деревни повалила в усадьбу молодежь за липовыми ветками и сиренью, украшать хаты на Зеленые Свята, и я охапками носила из сада нарезанные ветки, а Еничка раздавала их желающим»⁶. В 1920 году В.И. Рудич вновь записывает: «29 мая. Троица. Опять шла деревня вчера к вечеру за зелеными ветками и цветами на Зеленые Свята. Целые охапки зеленого и белого душистого /цветут жасмины/ груза носили мы с Наташей на двор, где Еникале выстраивала пришедших “в очередь” и раздавала ветки»⁷. В Вольни во время Гражданской войны сохранялась традиция, когда из дворянских садов раздавали нарезанные ветки цветущих растений для украшения хат в Троицу. О другом обычае, сохранившемся, несмотря на военное положение, пишет В.И. Рудич, описывая Рождество 1922 года: «14 янв. Наш старый Новый год. Приходили ряженые, по здешнему обычаю <...> И — “вспомнив старый обычай” /слова регента-учителя/ пришёл весь церковный хор и церковные власти. Жаль, угощать теперь нечем их — водки у нас нет — дали им тридцать рублей. А недавно мы дали на церковь два пуда семени на масло для лампад — а Староста церковный /он у нас “американец”/ принёс церковного меду. Выглядывают иногда из-под большевизма старые времена»⁸. Во время церковных праздников дореволюционные традиции «выглядывали» чаще,

5 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Ретивов М.И. Записки врача-эмигранта. Воспоминания. 78 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 592. Л. 10–11.

6 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 93.

7 Там же. Л. 252.

8 Там же. Л. 382–383.

чем в течение бытовой жизни, во многом именно благодаря этой ностальгической нотке их описание попадало на страницы мемуаров⁹.

Следующий эпизод относится к событиям исключительно революционной волны: «Слухи говорят, что петлюровцы уже в К. Они, будто бы, вывешивают объявления: — Священники, берите всю свою землю. Помещики — не бойтесь. Жиды — убирайтесь. Селяне — прибирайтесь хлебами»¹⁰. Петлюровцы не вывешивали объявлений, но по отношению к духовенству действительно не испытывали агрессии, и в отличие от большевиков, не репрессировали его представителей, но могли отобрать все деньги: «К о[тцу] А. недавно заезжал священник. Он был в Одессе и рассказывал:

– Я плакал от умиления, когда был там с деникинцами: говорят “дорогу батюшке”, я старый, так в вагоне на руках посадили. А приехал в Проскурров - петлюровцы всего начисто обобрали»¹¹.

Любопытно другое замечание В.И. Рудич: «Большевики довели ругань до такой степени, что наши украинцы плюют и негодуют: к обычной “матери” в обычной фразе солдаты прибавили “Христову”»¹². Б.А. Успенский пишет о том, что русская брань скорее экспрессивна, нежели семантически нагружена¹³. До революции задача брани — выразить сильное чувство. Большевики усилили семантическую составляющую брани: теперь она стала откровенно антирелигиозной. Как отмечает Б.А. Успенский, в традиционной культуре запрет на использование обценной лексики часто связан с Богородицей: сквернословие будто бы тревожит престол, на котором сидит Божия Матерь. В связи с этим своеобразная реформа брани большевиками имеет явно богоборческий характер.

9 Напр.: Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Мороз Ф.А. «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. 51 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 518. Л. 35; Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Мемуары эмигрантов (1864–1943 гг.) Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918–1921 гг. Рукопись. 54 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 769. Л. 13.

10 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 140.

11 Там же. Л. 189.

12 Там же. Л. 181.

13 Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. — М., 1994. — С. 56.

Одним из камней преткновения, который возник между крестьянами и священниками, стала практика погребения. Формально все действия, связанные с ключевыми моментами жизни человека, были на законодательном уровне выведены из сферы ответственности Церкви. Но фактически не было достаточного количества мест для государственной регистрации рождения, смерти, брака, развода, также сильна была традиция погребения по церковному обряду. Для священника в это время требы становились едва ли не единственным способом заработать на хлеб: «О[тец] А. говорит:

– Я прежде всегда за требы брал сколько дадут. Ну, а теперь привезут покойника — “давай два пуда ячменя”.

– Я потом привезу, батюшка. — “Ну и похороню потом”. “Много это, проше батюшки”. “Так вези в другое село, где у священника землю не отбирали при большевиках, он тебе за два рубля похоронит”. — “Тогда сам поховая /похороню/. — А ховай сам”. Приносит два пуда муки»¹⁴. В развитие этой темы В.И. Рудич приводит следующие воспоминания: «Об о[тце] А. крестьяне начинают говорить: — Все теперь дорого, а всего дороже — умирать. Батюшка за похороны берет два пуда пашни /хлеба/. А когда большевики его грабовали — мы сбежались, не дали. Ну нехай, но опять большевики придут. <...> Рассказывал он, что много мрет народу от тифа. Из К., где нет священника, возят каждый день в соседние С. по два-три “мерца”, по одному батюшка там и не хоронит»¹⁵.

Эта ситуация обостряла отношения между крестьянами и священником: «Когда говорила про эти дела с о[тцом] А. и выбрала Д-ча<имя установить не удалось> о[тец] А сказал:

– Скоро и меня станете так бранить.

Это он о том, что собирается требовать через начальство хлеб, который роздал займы крестьянам, а теперь они не отдают, оправдываясь:

– Хиба батюсци треба!

Но он только озлоблен теперь на крестьян за обиду не материальную, а нравственную: везде по селам при большевиках не отнимали церковной земли, а у него взяли. А он всегда именно особенно хорошо относился к крестьянам и за требу всегда брал “сколько дадут”»¹⁶.

14 . Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л.189.

15 Там же. Л. 195–196.

16 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания.

Упомянутый отец А. шёл навстречу требованиям большевиков в отношении обрядов Церкви: «Недавно на похоронах молодого хлопца его товарищи — сельские музыканты проводили гроб с музыкой до кладбища. Теперь к о.А. приходят недовольные этим старики и бабы. Он отвечает:

– Военных с музыкой хоронят, а перед Богом и военные и вольные равны. Почему же мне было запрещать?

Бабы недовольны, что играли “свободу” /”Вы жертвою пали”/, а не церковное»¹⁷.

Другой пример описан в отношении венчания: «О[тец] А. ездил по делам в Е. Там рассказывал ему священник, что недавно венчал командира красного полка — венчал после исповеди и причастия жениха, все как следует. А когда тот забыл поцеловать Чашу и пошёл уже — вернул его и заставил поцеловать. Но теперь этот командир уже арестован /и бежал в Польшу/ — именно за “совершение церковного обряда”.

У нас недавно была газета с отчетом о предполагаемом вскоре “пересмотре коммунистической партии”. Там чёрным по белому стоит, что исключены будут из партии первое — уличённые в грабеже, второе — в разврате и третье — в исполнении церковных обрядов.

Пока о[тец]А. был в Е. — с утра приехала свадьба — невеста наша, в-ска, а жених из К. И у него в сватах был большевик. Когда о[тец] А. вернулся около пяти часов — большевик пьяным явился объясняться:

– Теперь не прежнее время, чтобы заставлять народ ждать.

О[тец] А. ответил, что ездил по делам благочиния и предупредил отца невесты, когда вернётся. Большевик сказал:

– Это другое дело. Извиняюсь.

Но минут через пять опять явился:

– Почему же вы не идёте в церковь, когда вы уже приехали?

– А у нас обычай, что староста церковный приводит сначала свадьбу записаться у батюшки на дому, а потом все вместе идут в церковь. О[тец] А. объяснил ему это.

– Можно и в церкви записать.

– Там ни пера, ни чернил.

– Можно и карандашом.

Но тут пришёл американец-староста и взял дело в свои руки.

Пока шло венчание, — матушка вся волновалась. Прибежала посланная на разведки Ульяна <дочь священника>. — Комиссар ходит

425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 217–218.

17 Там же. Л. 386–387.

под церковью и говорит: “батюшку арестую”. Но наши люди упросили, и он сказал “ну, на этот раз так оставлю, но чтобы больше этого не было”.

Бедная матушка накинула платок и побежала к церкви — но о.А. уже шёл домой, а за ним церковный причт и староста возбужденно рассказывал, как большевик в шапке лез в церковь, как он его не пустил, как тот шептал отцу невесты “давай им советские — не возьмут, и я их арестую”.

Но отец заплатил “новенькими русскими»¹⁸.

Провокации со стороны большевиков были нередким явлением. Сын отца А. поступил на службу в Красную армию, что обещало относительные гарантии безопасности ему и его семье: «Была у о[тца] А. Он утром проводил своего Жоржа (сын) из отпуска “на позицию”. Бедный о[тец] А. Так тяжело переживает службу сына в красной армии, что /говорила матушка/ навзрыд плакал, провожая его. <...>. Была матушка — за красноармейца Жоржа крестьяне не хотят о[тцу]А. отдать третий сноп на церковной земле»¹⁹.

Драматически складывались отношения между католичеством и православием в Польше после революции. 27 сентября 1921 года была предоставлена полная автономия Православной Церкви в Польше. В 1920–1930-х годах проводилась политика колонизации, в рамках которой разрушению и разграблению со стороны польских католиков было подвергнуто не менее половины православных храмов Польши. На бытовом уровне эти события по воспоминаниям В. Рудич выглядели следующим образом. «Крестьяне рассказывают, что когда на сходе вчера они разложили требуемый с села скот на всех — от поляков пришло распоряжение:

– У католиков не брать, только у православных.

Крестьяне говорят:

– Уйдут поляки — мы своим ляхам попомним»²⁰.

Антирелигиозная политика большевиков касалась не только Православной церкви, они стремились уничтожить любую религию в целом, поэтому во время пребывания большевиков в Польше католические костёлы подвергались осквернению и разграблению. В воспоминаниях В.И. Рудич описан эпизод, произошедший в 1920 г., в котором

18 Там же. Л. 408–409.

19 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 284а–285.

20 Там же. Л. 194.

католический ксендз обратился за помощью в совершении богослужения к православному священнику: «В воскресенье после нашей обедни полковой ксендз служил в нашей церкви свою, католическую. Вечером он пришёл к о[тцу] А. попросить разрешения. Хотел служить на престоле, но о[тец] А. твёрдо сказал, что на престоле инославным нельзя, по нашим обычаям, служить и поставил ему в царских вратах аналой. Музыка полковая — она у них в таких случаях заменяет орган — играла в Т. в костеле, то так и впечатление в деревне большое: все деревенские ляхи были в церкви. Наши “братчики” рассказывают, что солдаты пересмеивались и шептали, что надо от лампад папироску зажечь — но ничего в действии враждебного проявлено не было. О. А. запретил своим жене и дочери идти в церковь послушать²¹.

6 января 1921 года ситуация повторилась: «Приехал наш знакомый ксендз. Хочет просить разрешения служить в нашей церкви и обедню для деревенских ляхов. Юля повела его к о[тцу] А. Тот сказал, что надо спросить братчиков-крестьян.

Ксендз рассказывал, что его зовут “большевицкий ксендзом” и большевики дают ему “по колеи” подводы ездить по другим сёлам.

Между братчиками вышел спор — одни говорили — “пускай служат в церкви”, другие вспомнили:

– Колясь то мы разложили по селу сбор на ремонт нашей церкви — так ляхи не хотели его платить.

Ксендз просил разрешения служить в нашем амбаре, но мы, конечно, предложили в комнате у нас. Он сказал:

– А от большевиков вам ничего за это не будет?

Перед вечером прихожанки уже начали сносить ксендзу молоко, масло»²².

Судя по воспоминаниям В.И. Рудич, крестьяне в целом проявляли достаточно самостоятельности в вопросах самоопределения. В тексте воспоминаний описывается следующий эпизод: «Пришёл за книгами учитель из О., сын священника, которого поляки били и гнали на машину молотить. Говорил, что пришло в их школу распоряжение “снять иконы и не читать молитв”. А крестьяне на сходе сказали:

– Правит теперь народ, значит и мы — а мы хотим, чтобы наши дети, молившись в школе и иконы висели.

В волости у них было сняли икону, но они потребовали, чтобы опять повесили:

21 Там же. Л. 346–347.

22 Там же. Л. 374.

– Это присутственное место, а не конюшня, так чтобы в шапках не шли и не свистели там: прежде царский портрет висел, так его боялись»²³. Это один из примеров того, как в начале 1920-х гг. крестьяне ещё имели возможность отстаивать свои интересы, спустя десятилетие любое проявление религиозного чувства подавлялось более жестко.

Обращаясь к размышлениям о том, на что было употреблено добытое в рамках изъятия ценностей золото и другие драгоценности, В.И. Рудич записывает следующие слухи, циркулировавшие в народе: «Среди крестьян новая легенда: поляки оттого заберут Вольту, что вместо денег, который большевики должны им отдать по мирному договору, те дали полякам слитки золота и серебра. Но поляки увидели, что эти слитки — все из окладов икон и церковной утвари и будто бы сказали:

– Такого золота мы не возьмём, за него нас Бог накажет.

И теперь вместо золота отдают им нашу Вольту»²⁴.

Известно, что главы советского правительства рассматривали изъятие ценностей, прежде всего, как способ борьбы с Церковью. Вопрос церковных ценностей был вопросом не только поиска денежных средств, но и вопросом антирелигиозной пропаганды. Настроенный решительно воинственно по отношению к Русской Православной Церкви, Л.Д. Троцкий связывал кампанию по изъятию церковных ценностей с борьбой против патриарха и его приверженцев. Церковь как союзник в борьбе со страшным врагом — с голодом, протягивающая руку помощи советской власти, не нужна, опасна для власти, Церкви быть не должно вообще, считал Троцкий, необходимо использовать любой повод для её ослабления, разрушения и ликвидации, и раскол Церкви изнутри может стать действенным инструментом уничтожения православной веры. Его позиция полностью была поддержана В.И. Лениным. 26 февраля 1922 г. специальным постановлением ВЦИК местным советам было предписано «в месячный срок со дня опубликования постановления» изъять из церковных имуществ, которые ранее были переданы группам верующим для отправления богослужебного культа «все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»²⁵. Однако, как видно

23 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Л. 387–399.

24 Там же. Л. 400.

25 Декрет ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих (23.2.1922) // Русская православная церковь и коммунистическая государство.

из приведённых выше воспоминаний, «интересы культа» не соблюдались вовсе, оставалась надежда на то, что часть церковных ценностей будет признана художественной ценностью и помещена в музеи, откуда, возможно со временем ризы, оклады и другие предметы, имеющие отношение к богослужению, вернутся в храмы. Вместе с тем возникали слухи о том, как распорядились большевики изъятыми ценностями, и в этих слухах сквозило недоверие к советской власти.

Подводя итог источниковедческой критике воспоминаний В.И. Рудич, отметим следующее. Как видно из биографии автора и текста её воспоминаний, она не была ревностной христианкой, но православные традиции занимали заметную часть в её жизни, она поддерживала общение со священником, духовно окормлявшим окрестности поместья её семейства, и внимательно относилась к тем переменам, которые вошли в жизнь Церкви с революцией. Часть воспоминаний основана на слухах и домыслах, но сам факт возникновения этих слухов говорит о неравнодушии людей к происходившим в православной жизни изменениям. Описания В.И. Рудич не всегда отличает фактографическая точность, однако точность указания дат и выдержанная линейность повествования позволяет с высокой долей уверенности говорить о том, что она вела дневник, в котором по датам были зафиксированы интересовавшие её факты, нашедшие немного позднее место на страницах её мемуаров. Благодаря тому, что воспоминания попали в фонды РЗИА, они сохранились для современного читателя. Также в «Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов» хранятся воспоминания, содержащие информацию, относящуюся к истории Русской православной церкви после революции, которые не были введены в научный оборот. Их публикация и анализ могут быть осуществлены в следующих публикациях.

Библиография

- Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Мороз Ф.А. «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. 51 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 518.
- Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Ретивов М.И. Записки врача-эмигранта. Воспоминания. 78 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 592

- Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939 гг.) Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600.
- Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов, опись «Мемуары эмигрантов (1864–1943 гг.) Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918–1921 гг. Рукопись. 54 л. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 769.
- Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / сост. О.Ю. Васильева. — М.: Изд. Библ. богосл. ин-та Ап. Андрея, 1996. — 352 с.
- Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии// Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. — М., 1994. —С. 53–128.